

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ ФОНД
ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В О Е Н Н Ы Й
ВЕСТНИК № 5

К о с о в о
И КОНТРОЛЬ НАД
ВООРУЖЕННЫМИ
СИЛАМИ

Москва
Июнь 1999 г.

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ ФОНД
ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В О Е Н Н Ы Й
ВЕСТНИК № 5

К о с о в о
И КОНТРОЛЬ НАД
ВООРУЖЕННЫМИ
СИЛАМИ

Москва
Июнь 1999

КОСОВО И КОНТРОЛЬ НАД ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ

Марш-бросок двухсот российских десантников в Приштину вызвал новую вспышку интереса среди политиков и СМИ к вопросам контроля над армией. Поводом стало всеобщее неведение в отношении того, как и кем было принято решение о переброске российских войск из Боснии в Косово.

Типичным является высказывание бывшего руководителя ОРТ Сергея Благоволина:

"В жизни за все приходится платить. Но прежде чем платить за этот демарш военных, хотелось бы понять: кто же отдал им такое распоряжение? Самое интересное не в том, что мы все будем за это расплачиваться, а в том, что вся страна уже несколько дней не может понять: кто же отдал приказ?" (*Коммерсантъ-Daily*, 15 июня 1999 г.)

Мнения на этот счет радикально расходятся. Так, журнал "Новое время" называет 12 июня (день ввода десантников в Косово) "Днем независимости армии от верховного главкомандования" (*Новое время*, 20 июня 1999 г.).

С другой стороны, Игорь Малашенко, первый заместитель председателя Совета директоров холдинга "Медиа-МОСТ", убежден, что

"отмашку дал сам президент. ... Поэтому военные, с моей точки зрения, – не более чем инструмент. Показательно, что о принятом решении явно не знали ни премьер, ни секретарь Совета Безопасности, ни министр иностранных дел. Поэтому я подчеркиваю – это решение Бориса Ельцина, а отнюдь не генералов, которые сами никогда не рискнули бы сделать такой шаг." (*Общая газета*, 17-23 июня 1999 г.)

Явление это не новое. Вспомним хотя бы, сколько было опубликовано статей, сделано парламентских запросов и т.д. с целью разобраться, санкционировал ли Михаил Горбачев применение войск в Тбилиси, Вильнюсе, Баку или нет.

Из более позднего времени можно вспомнить многочисленные попытки СМИ разобраться, кто отдал распоряжение о секретной передаче огромного количества оружия (по некоторым оценкам, почти на миллиард долларов), Армении, что, по видимому, окончательно испортило отношения между Азербайджаном и Россией.

Как и всегда в подобных случаях, спор и на сей раз останется неразрешенным, а истина – секретом немногих причастных к принятию решения лиц. В подтверждение подобного вывода можно привести слова анонимного высокопоставленного генерала, высказанные им военному обозревателю "Общей газеты" Виктору Литовкину: "Не спрашивай. Родной матери под страхом смерти я никогда не скажу, как принимаются подобные решения."

И точно так же, как всегда, реакцией на подобную засекреченность решений об использовании армии для тех или иных военных акций будет рост требований со стороны общества об усилении так называемого "гражданского контроля" над армией. Вот и сейчас Игорь Малашенко пишет:

"Они (действия военных в Косово – ред.) востребованы президентом Ельциным, которому нужны эффективные ходы и их четкие исполнители. С учетом этого, роль военных как во внутренней, так и внешней политике будет возрастать. Впрочем, это не так опасно, главная проблема – контроль. Гражданский и политический контроль над военными, которого у нас нет."

I

Между тем призывам об усилении гражданского контроля над армией уже десяток лет. В конце 80-х – начале 90-х годов требование гражданского контроля вообще было одним из главных лозунгов демократического движения. И сейчас тема гражданского контроля остается весьма популярной. Так, влиятельный Совет по внешней и оборонной политике (СВОП) в тезисах

своего опубликованного летом 1997 г. доклада "Военная реформа в Российской Федерации" предлагает создать особый государственно-политический институт, способный "установить твердый гражданский и государственно-политический контроль над силовой сферой государства", а также отвечать "за разработку и внедрение государственной идеологии воинской службы, а также за проведение в ней государственной, кадровой и социальной политики".

По мнению авторов доклада СВОП, "таким институтом может стать система Полномочных представителей Президента России в силовых структурах, обладающих высоким уровнем полномочий, определенной независимостью от органов военного управления и несущих прямую ответственность за морально-психологическое состояние Вооруженных Сил и других войск в мирное и военное время... Система Полномочных представителей Президента Российской Федерации должна обладать собственной служебной вертикалью во всех силовых структурах, органически вписанной и в их штатные структуры. Она должна начинаться в Администрации Президента Российской Федерации, пронизывать все силовые ведомства и доходить до уровня батальонов и им равных структур, объединить воспитательные структуры, кадровые службы и подготовку кадров (военные учебные заведения), а также структуры, занимающиеся решением социальных проблем".

Не довольствуясь созданием системы президентских полномочных представителей, эксперты СВОП считают необходимым в целях создания системы гражданского контроля начать с включения в эту систему также таких элементов контроля, как:

- введение института Уполномоченного по делам Вооруженных Сил и других войск Федерального Собрания Российской Федерации, с функциями контроля социальной сферы и морального климата в них;
- выведение военной прокуратуры, как особого института, из под контроля военного командования;
- преобразование института офицерских собраний частей в один из основных элементов дееспособной системы воспитания, социальной и кадровой политики государства в войсках.

СВОП также считает, что "российский парламент должен иметь реальные рычаги контроля над армией и оборонными вопросами, прежде всего – через бюджет. Это обеспечит открытость и обоснованность принятия решений, большую объективность в выборе приоритетов развития Вооруженных Сил".

Вообще же в гражданском контроле, по мнению авторов доклада, должны участвовать все и вся. "Гражданский контроль за военной организацией и деятельностью, – указывается в тезисах СВОП, – должен реализовываться посредством целенаправленной деятельности органов федеральной государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных объединений и граждан в соответствии с их правами и полномочиями в этой области".

Из этого документа видно, насколько эклектично и поверхностно рассматривается в России проблема гражданского контроля. В какой-то мере это можно объяснить тем, что и новое российское руководство, пришедшее к власти после распада СССР, и общество в целом совершенно не представляли себе, что такое современная армия в демократическом государстве и как она строит свои отношения с государством и обществом. К сожалению, создается впечатление, что нехватка таких знаний ни российским руководством, ни оппозицией, ни военными и гражданскими учеными и публицистами (за исключением небольших групп энтузиастов) никак не ощущалась, ибо за истекшие после августа 1991 г. восемь лет они не предприняли каких-либо заметных усилий по их пополнению хотя бы путем изучения соответствующего опыта Запада. Хуже того, отсутствие интереса к сколько-нибудь глубокому изучению такого опыта стало сочетаться с любовью постоянно ссылаться на западный опыт, подгоняя его под собственные, как правило, неглубокие и зачастую политически конъюнктурные представления о гражданском контроле над армией.

С одной стороны, появились и резко усилились требования об укреплении непосредственного руководства армией со стороны президента как якобы наиболее эффективной формы гражданского контроля. С другой стороны, как и в конце 80-х – начале 90-х годов, все громче звучат призывы к введению всеобъемлющего парламентского контроля над вооруженными си-

лами, назначению подотчетного парламенту гражданского министра обороны, введению института парламентского уполномоченного по делам военнослужащих и т.д. Нередко, как в вышеупомянутом докладе СВОП, эти по сути взаимоисключающие требования выдвигаются одновременно.

При этом, особенно со стороны поборников усиления парламентского контроля, упускается из вида тот факт, что после принятия в декабре 1993 г. новой Конституции Россия является президентской республикой и парламент лишен права контроля над Вооруженными Силами и другими силовыми структурами. В этих условиях требования усиления парламентского контроля за армией означают на практике призыв к пересмотру действующей Конституции со всеми вытекающими из этого последствиями для политической стабильности в России.

Как сторонники президентского, так и поборники парламентского контроля считают аксиоматичным, что гражданский контроль является отличительной чертой демократического государства, в то время как в тоталитарных государствах военные фактически бесконтрольны.

На самом деле это далеко не так. Именно тоталитарные государства стремятся к наиболее жесткому контролю над своими армиями. С этой целью они сознательно дробят вооруженные силы на соперничающие группировки, создают вне армии параллельные вооруженные формирования (отряды "СА" и войска "СС" в гитлеровской Германии, войска НКВД и МВД СССР), опутывают армию плотной сетью тайной полиции, периодически устраивают демонстративные чистки, вплоть до физической ликвидации, среди армейского руководства. В результате тоталитарные государства добиваются почти полного устранения влияния военных на государственную политику.

С другой стороны, в демократических государствах военным нередко удается резко усилить влияние на политику используя вполне конституционные институты. Обычно так происходит в периоды войн и обострения гонки вооружений.

Так, можно найти немало примеров большого влияния американских военных на принятие политических решений в годы второй мировой войны, войны в Корее и Вьетнаме, а также в годы "холодной войны". Достаточно вспомнить знаменитое пре-

дупреждение президента Эйзенхауэра об опасном росте влияния американского ВПК, сделанное им в 1961 г. Да и сейчас в США можно найти немало людей, обеспокоенных чрезмерной, по их мнению, самостоятельностью и инициативностью военных в вопросах политики.

Бывший главный историк ВВС США Ричард Кон в своей вызвавшей оживленную полемику среди специалистов статье "Вне контроля: Кризис в военно-гражданских отношениях" (журнал "Нэйшнл интерес", весна 1994 г.) пишет, что в настоящее время "американские военные более чем когда-либо в американской истории отчуждены от своего руководства и более открыто, чем когда-либо это демонстрируют". В частности, утверждает Кон, генерал Колин Пауэлл в бытность председателем Комитета начальников штабов перевернул с ног на голову старую формулу Клаузевица о войне как продолжении политики, требуя "тщательной подгонки политических целей под военные цели и военные средства". Более того, по словам Кона, генерал Пауэлл разработал новую политику национальной безопасности США в 1990-1992 гг. без консультаций с политическим руководством страны.

Другой видный американский военный эксперт Эдвард Луттвак считает, что генерал Пауэлл "с презрительной легкостью" вынудил президента Клинтона пересмотреть свою позицию в таких вопросах, как использование вооруженных сил США в Югославии и отношение к гомосексуалистам на военной службе.

Чтобы поставить военных на место, считает Кон, необходимо вернуться к такому жесткому контролю над ними, которую практиковал в 1960-е годы министр обороны США Роберт Макнамара, который, как с одобрением пишет Кон, "игнорировал советы военных, презирал их опыт и компетентность и обходил или просто увольнял генералов и адмиралов, которые ему возражали".

Надо сказать, что точка зрения Кона и Луттвака об усилении влияния военных не нашла поддержки у большинства американских специалистов в области гражданского контроля.

К примеру, профессор военного колледжа ВМС США и одновременно главный редактор журнала "Стрэтиджик ревью" Макубин Оуэнс в статье "Гражданский контроль: Национальный кри-

зис?" приходит к выводу, что позиция Кона и его сторонников сводится к требованию к военным "принимать без обсуждения разработанную бюрократами политику даже в том случае, если она является абсолютно безумной. Это предполагает, что не только политика, но и стратегия должны быть исключительной сферой ответственности бюрократов из Пентагона" (имеется в виду, конечно, гражданское руководство министерства обороны. – ред.). Что же касается того факта, что генерал Пауэлл, по словам Оуэнса, "сыграл решающую роль в дебатах по стратегии национальной безопасности, то это всего лишь свидетельствует о силе его интеллекта и умении убеждать, а не является проявлением какого-то зловещего заговора против гражданского контроля над вооруженными силами".

Диаметрально противоположную оценку той, которую дал Кон, выставляет Оуэнс и деятельности Роберта Макнамары, который, по мнению Оуэнса, "перепутал стратегию с экономикой и вследствие этого несет большую долю ответственности за крупнейший военный провал в американской истории – поражение во Вьетнаме".

На самом деле приведенные выше споры между американскими экспертами не являются следствием какого-то нарастающего в США кризиса в системе гражданского контроля над вооруженными силами, а лишь отражают тот факт, что в демократических государствах существует симбиоз двух форм контроля: так называемый субъективный и объективный гражданский контроль.

К сожалению, данное обстоятельство полностью ускользнуло от внимания российских сторонников усиления гражданского контроля, что приводит к немалой путанице в понимании его сути.

II

Наиболее детально эти две формы контроля разработаны теоретически и используются практически в США.

Первым, кто четко сформулировал понятия субъективного и объективного гражданского контроля и показал их принципиальное отличие друг от друга, был Сэмюэль Хантингтон, выпустивший в США в 1957 г. получившую широкую известность на

Западе книгу "Солдат и государство. Теория и политика гражданско-военных отношений".

Согласно Хантингтону, обе эти формы контроля преследуют одну и ту же цель – максимальное усиление гражданской власти по отношению к власти военных структур и устранение влияния военных на политику.

Однако методы достижения этих целей у субъективного и объективного контроля радикально отличны друг от друга.

Первоначально, до появления профессионального офицерского корпуса в первой половине XIX века, практиковался только субъективный контроль.

Сам лозунг "гражданского контроля" был выдвинут в XVII веке в Англии как форма борьбы парламента с монархом за влияние на армию. Так как монарх был по сути таким же гражданским лицом, как и парламентарии, то на самом деле речь шла об усилении именно парламентского, а не гражданского контроля за армией.

В дальнейшем лозунг гражданского контроля приобрел явно выраженный классовый характер и использовался европейской либеральной буржуазией в борьбе с аристократией в рамках общего соперничества двух классов за власть.

В действительности же как тогда, так и сейчас при субъективном гражданском контроле речь идет не о гражданском контроле вообще, а о контроле определенных политических групп, чаще всего исполнительной и законодательной власти.

"Большое число, различных характер и противоречивые интересы гражданских групп делают невозможным максимизацию их власти над военными от лица единого целого", – пишет Хантингтон. – Вследствие этого максимизация гражданской власти над вооруженными силами всегда означает максимизацию власти той или иной конкретной группы или нескольких групп. Это и есть субъективный гражданский контроль".

Субъективный гражданский контроль, согласно Хантингтону, рассматривается его сторонниками не как самостоятельная цель, а всего лишь как средство усиления собственной власти и влияния за счет соперников. Хантингтон считает, что борьба между президентом и конгрессом в США за влияние на армию

мало чем отличается в этом отношении от борьбы между монархической властью и парламентами в прошлые века. И те и другие стремятся не столько ослабить влияние армии в государстве и обществе, сколько ограничить власть друг друга.

"Президент, – пишет Хантингтон, – идентифицирует гражданский контроль с президентским контролем, мотивируя это тем, что конгресс слишком многочислен и плохо организован для того, чтобы эффективно контролировать вооруженные силы. Конгресс, со своей стороны, идентифицирует гражданский контроль с контролем конгресса, считая, что конгресс ближе к народу, чем президент, что делает президента потенциальным заложником его военных советников. Однако и президент, и конгресс в сущности заинтересованы в распределении власти между исполнительной и законодательной властью, а вовсе не между военными и гражданскими".

До возникновения в XIX веке военного профессионализма субъективный гражданский контроль оставался единственной формой гражданского контроля. Именно военный профессионализм, получивший свое наибольшее развитие в США, вызвал необходимость установления объективного контроля над вооруженными силами (подробнее о военном профессионализме см. раздел V).

Субъективный гражданский контроль с появлением военного профессионализма теряет значительную часть своей действенности и устаревает, ибо он оказывается не в состоянии эффективно контролировать даже технически такое сложнейшее явление, как управление насилием в современном мире. "Субъективный гражданский контроль, – пишет Хантингтон, – становится решительно неуместным в обществе, в котором общественное разделение труда доходит до такой степени, когда возникает четко выраженный класс специалистов по управлению насилием. ...Возникновение военной профессии трансформировало проблему военно-гражданских отношений, усложнив усилия гражданских групп по максимизации своей власти над военными. Такие группы теперь уже оказались лицом к лицу не с другими гражданскими группами с аналогичными целями, а с новыми, независимыми функциональными военными императивами. ...Возникла необходимость в новом принципе, который бы регу-

лировал отношения между функциональными военными императивами и остальной частью общества".

Таким принципом стало признание автономного характера военного профессионализма и осознание необходимости его максимального развития как новой формы гражданского контроля над военной сферой.

Чаще всего специалисты на Западе такую форму контроля называют объективным гражданским контролем, хотя встречаются и другие термины для описания этого явления. Например, Эрик Нордлингер предпочитает говорить о "либеральной" и "проникающей" моделях гражданского контроля, хотя они по содержанию полностью совпадают с хантингтоновскими определениями объективного и субъективного контроля.

Объективный контроль считается самым надежным средством против политизированности вооруженных сил. Профессиональные военные продвигаются по иерархической лестнице посредством совершенствования своего профессионального мастерства. В связи с этим они стремятся добиться максимальной изолированности своей профессиональной деятельности от внешних влияний, и прежде всего от политики. Как пишет американский исследователь Джон Лепингуэлл, "профессионализм представляет собой полную противоположность политизации, ибо по мере политизации армия утрачивает свою ориентацию на совершенствование военного мастерства и продвижение по служебной лестнице в соответствии с критериями профессионализма, превращаясь вместо этого в политическую организацию".

По словам Хантингтона, "вмешательство военных в политику представляет собой антитезу объективного контроля: гражданский контроль уменьшается по мере того, как увеличивается участие армии в институциональной, классовой и конституционной политике. Субъективный контроль, напротив, предполагает такое вмешательство. Суть объективного гражданского контроля предполагает признание автономности военного профессионализма; суть субъективного гражданского контроля заключается в отрицании независимости военной сферы. ...Субъективный гражданский контроль достигает своих целей путем навязывания военным гражданских ценностей, превращая армию в зеркало государства. Объективный гражданский

контроль добивается своих целей путем милитаризации армии, превращая ее в инструмент государства".

При объективном гражданском контроле, по убеждению его сторонников, достигается наибольшее снижение влияния армии в обществе. Армия становится политически стерильной и нейтральной по отношению ко всем участникам политической борьбы. Тем самым лозунг гражданского контроля перестает быть маскировкой групповых политических интересов, поднимаясь до уровня аналитической концепции, способной соблюсти интересы всех социальных слоев общества.

Западные эксперты, в частности, американские и израильские, сходятся в том, что субъективный гражданский контроль получил наибольшее распространение в тоталитарных, особенно коммунистических политических системах, в то время как объективный контроль наиболее характерен для государств демократических.

Как утверждает один из ведущих американских специалистов в области гражданского контроля Роман Кольковиц, конфликт между гражданским и военным руководством в СССР был присущ самой советской политической системе, что и вызывало необходимость всеобъемлющего субъективного гражданского контроля над армией. Этот конфликт был "результатом фундаментального противоречия между уравнительной, антимилитаристской идеологией марксизма с его требованием гражданского руководства и элитарными, реалистичными установками военного руководства с его "военным складом ума".

С этой целью была создана разветвленная сеть специальных органов, контролировавших армию сверху донизу. Важнейшими из них были Главное политическое управление (ГлавПУР) при ЦК КПСС и специальное Главное управление военной контрразведки в составе КГБ СССР.

После распада Советского Союза новое политическое руководство России, как и его оппозиция, продолжают рассматривать субъективный гражданский контроль над Вооруженными Силами как важнейший инструмент в своей борьбе за власть. Правда, указом еще Президента СССР от 24 августа 1991 г. деятельность политических партий в Вооруженных Силах была прекращена, однако взамен были созданы новые, а также со-

хранены и даже усилены старые инструменты субъективного гражданского контроля.

Во-первых, вместо ГлавПУРа были учреждены так называемые органы воспитательной работы (после ряда реорганизаций и переименований они возглавляются в настоящее время Главным управлением по воспитательной работе (ГУВР) Министерства обороны), а институт коммунистов-замполитов заменен институтом заместителей (помощников) командиров по воспитательной работе. В результате заместители по воспитательной работе имеются даже в ротах, а численность офицеров ГУВР достигла 200 против 300 в ГлавПУРе при том, что численность Вооруженных Сил со времени роспуска советских политорганов сократилась минимум втрое.

Во-вторых, всесильный отдел административных органов ЦК КПСС, имевший решающее значение при назначении на все высшие воинские должности (начиная с генерал-майора) был заменен новыми, чисто президентскими структурами во главе с гражданскими лицами, которые по-прежнему имеют решающий голос в вопросах выдвижения или освобождения от должности всех руководящих военных кадров. Вначале это была Высшая аттестационная комиссия при Президенте РФ во главе с секретарем Совета безопасности Юрием Скоковым (создана по указу президента Б. Ельцина № 1188 от 7 октября 1992 г.), затем эти функции перешли к Администрации Президента.

В-третьих, параллельно с сокращением численности армии шло усиление внутренних войск МВД, численность которых стала в несколько раз больше, чем во времена существования СССР. В настоящее время внутренние войска МВД насчитывают около 300 тысяч человек, оснащены тяжелым вооружением и вполне сопоставимы по численности и оснащению с сухопутными войсками Министерства обороны.

Столь резкое усиление внутренних войск не может быть объяснено только опасениями беспорядков в стране или роста терроризма, ибо для этих целей имеются многочисленные специальные полицейские формирования (ОМОН, спецназ и т.д.). Совершенно очевидно, что президентом внутренние войска рассматриваются в первую очередь как противовес армии в случае ее нелояльности существующей исполнительной власти.

В-четверых, в полном объеме сохранен контроль со стороны тайной полиции. Бывшее 3-е Главное управление КГБ, предназначавшееся для контрразведывательной деятельности внутри вооруженных сил, практически без каких-либо изменений в своем составе и функциях перешло в состав ФСБ, переименовав лишь свое старое наименование на новое – Управление военной контрразведки (УВКР) ФСБ. О задачах УВКР вполне откровенно высказался его прежний начальник генерал-полковник Алексей Моляков: "Ситуация в Вооруженных Силах Российской Федерации находится под нашим постоянным и неослабным контролем. ...Органы военной контрразведки, работающие в войсках, имеют четкие указания своевременно вскрывать и заблаговременно предотвращать экстремистские и другие опасные устремления. Это необходимо для того, чтобы в случае обострения политической ситуации в стране не допустить утраты управляемости ВС РФ со стороны Верховного главнокомандующего – президента страны и нейтрализовать любые попытки втянуть армию в политическое противоборство".

По словам генерала Молякова, численность УВКР достигает 6 тысяч человек. Кроме того, по оценкам экспертов, с органами военной контрразведки на негласной основе сотрудничают свыше 50 тысяч агентов из числа военнослужащих во всех структурах Вооруженных Сил – от батальона до Генерального штаба включительно.

III

Таким образом, российское руководство, как и руководство СССР, предпочитает в своих отношениях с армией полагаться практически исключительно на методы субъективного гражданского контроля. При этом оно явно не учитывает тот факт, что субъективный контроль эффективен только при полной политической стабильности и наличии системы конституционно отрегулированной, плавной смены власти в стране. При всяком обострении борьбы за власть и особенно при ее смене соперничающие политические группировки, как правило, пытаются привлечь армию на свою сторону, тем самым политизируя ее. Именно в этом, по мнению западных экспертов, заключается кардинальный недостаток субъективного гражданского контроля в странах со слаборазвитыми или отсутствующими демократическими институтами.

Достаточно вспомнить, как легко выскользнул из рук Михаила Горбачева контроль над армией в 1990-1991 гг., несмотря на тот факт, что он был одновременно и Генеральным секретарем ЦК КПСС, и Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами СССР, и мог практически единолично назначить на любую воинскую должность любого удобного себе военачальника.

Россия уже дважды в этом веке имела возможность убедить себя, к чему ведет политизация армии. Именно она привела армию к ее развалу в 1917 г. и, как следствие, к Февральской революции и последующему захвату власти большевиками. Точно так же участие армии в политике способствовало распаду СССР в 1991-1992 гг. и растаскиванию вооруженных сил по отдельным республикам бывшего Советского Союза.

Не нужно богатого воображения, чтобы представить, что может произойти с российской армией при углублении нынешних тенденций к ее политизации.

Значит, обществу и политическим группировкам нужно срочно договариваться об отказе от втягивания армии в политику, а армия, со своей стороны, должна решительно деполитизироваться. На практике это означало бы принятие и соблюдение армией принципов объективного гражданского контроля и военного профессионализма.

К сожалению, неоднократно менявшаяся в последние годы и не стабилизировавшаяся до сих пор форма власти в России не благоприятствует принятию в стране принципов "гражданина в форме" и демократического парламентского и общественного контроля над армией, какими руководствуются многие демократические государства (ФРГ, Израиль и другие). В этих условиях американская система объективного гражданского контроля представляет собой – при всей сложности ее воспроизведения в России – реальную возможность нейтрализации армии как политической силы.

Какие практические шаги в этом направлении можно сделать уже в настоящее время и как их увязать с проведением военной реформы, о которой так много говорится в последнее время?

Наиболее адекватно на этот вопрос отвечает Заявление Совета по внешней и оборонной политике от 14 февраля 1997 г.

"Нынешнее положение российской армии как надвигающаяся общенациональная катастрофа", подготовленное группой членов СВОП и привлеченных экспертов. Вот выдержки из него:

"...До тех пор, пока не станет ясно, какая политическая система сложится в России – демократическая, авторитарная или олигархическая, – необходимо максимально возможное отстранение армии от политики. Это должны хорошо осознавать все политические и общественные силы страны. Иначе армия неизбежно превратится в субъект политической борьбы со всеми вытекающими отсюда последствиями для нее и для общества.

Кому нужна армия: обществу или государству? Если в России установится олигархия – то ей нужна армия наемников и мощные полицейские силы. Если же у нас формируется гражданское общество и демократия, то армия должна иметь идеалы, разделять основные духовные ценности нации.

3. Наиболее надежным способом предотвращения или разрешения конфликтов между армией и обществом было бы создание гражданского министерства обороны. С одной стороны, оно могло бы детально вникать в социально-политические проблемы армии, которыми в России сейчас реально никто не занимается, а с другой стороны, "демпфировать" то недовольство, которое исходит от армии в сторону общества. Министерство обороны должно взять на себя все те функции, которые несвойственны военной организации и которыми она вынуждена заниматься, – обоснование финансовых заявок в правительстве и Госдуме, размещение оборонных заказов, закупка продовольствия и т.д.

Создавать гражданское министерство обороны надо без промедления, несмотря на очевидную нехватку пригодных для этого специалистов. Создать такое министерство можно без всяких дополнительных расходов на базе Министерства оборонной промышленности, оборонных отделов Минэкономики, Минфина и т.д.

Сама же армия должна находиться не в гуще общества, а в своих гарнизонах и заниматься только одним – восстановлением и развитием военного профессионализма. Армия сама, без участия полити-

ков и гражданских "доброхотов", должна выработать собственную профессиональную этику, создать свою систему отбора кадров и военного образования, собственную военную культуру и т.д."

Как видно из этих рекомендаций группы авторов СВОП, они диаметрально противоположны рекомендациям другого авторского коллектива того же СВОП, приведенным выше и требующим максимального вмешательства президентской власти во все дела армии, вплоть до назначения специальных, наделенных суперполномочиями президентских представителей во все структуры Вооруженных Сил, вплоть до каждой воинской части.

Наличие столь полярных взглядов даже в сравнительно однородной и близкой к президентской власти организации как СВОП говорит о весьма слабой разработанности теории гражданского контроля в России.

IV

Чтобы вырваться из замкнутого круга, по которому ходят российские сторонники субъективного контроля вот уже десяток лет, надо прежде всего понять ограниченные пределы такого контроля над современными чрезвычайно сложными и специализированными вооруженными силами. Проще всего это сделать, изучив по возможности подробнее анатомию такого контроля на каком-либо конкретном и сравнительно легко проверяемом примере.

В качестве такого типичного примера можно взять широко освещавшиеся в СМИ и детально зафиксированные в переговорных документах Венские переговоры по ограничению обычных вооружений. Это к тому же и актуально в связи с тем, что министр обороны Игорь Сергеев пригрозил после начала натовских бомбардировок Сербии отказом России от выполнения своих обязательств по Договору об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). В Министерстве обороны не скрывают, что Россия может начать переброску в Европу военной техники из-за Урала, что и станет нарушением договора.

По ДОВСЕ Россия имеет право сегодня иметь в европейской части страны 6 400 танков, 11 480 боевых бронированных машин (ББМ), 6 415 артиллерийских систем, 3 450 боевых самолетов и 890 боевых вертолетов. В результате этого договора ос-

новная часть тяжелого вооружения российской армии оказалась за Уралом.

По оценке Лондонского института стратегических исследований (российское Минобороны, так же, как и советское, не публикует подобных данных) всего Россия имеет в настоящее время 27 210 танков, 30 590 БМ и 29 453 артиллерийские системы. По количеству этих видов вооружения она и сейчас превосходит любую страну мира, в том числе США по танкам в 3,25 раза (у США имеется 8 369 танков), по артиллерии в 4,07 раза (7 234 артсистемы), по БМ в 1,16 раза (26 356 единиц).

Однако эти цифры совершенно бледнеют перед теми горами оружия, которые имел СССР. Правда, и сейчас, почти десять лет спустя после окончания "холодной войны" остается тайной, сколько же накопил оружия Советский Союз к моменту своего краха. Единственным, хотя и не очень надежным источником информации на этот счет остаются данные, которые представила советская сторона на Венских переговорах по разоружению, завершившихся в ноябре 1990 г. подписанием в Париже договора об ОВСЕ. Изучение этих данных, на наш взгляд, исключительно полезно для всякого, кто хочет понять менталитет советского генералитета и реакцию российского военного руководства на события в Косово.

Надо сразу сказать, что данные по количеству вооружения у СССР, представлявшиеся советской стороной в Вене, были настолько противоречивы и сознательно запутаны, что ни Горбачев, ни МИД, формально возглавлявший переговоры, так и не поняли, о каких в действительности количествах вооружений идет речь и просто бездумно, как попугаи, повторяли те цифры, которые им подсовывало Минобороны. Впрочем, это не удивительно, учитывая полную монополию последнего на всю военную информацию и отсутствие у Политбюро и правительства компетентных независимых экспертов.

С самого начала Минобороны, а вслед за ним и Горбачев и МИД стремились доказать, что между НАТО и Организацией Варшавского Договора (ОВД) в Европе существует примерное равновесие (паритет) по обычным вооружениям. Вот что писал по этому поводу министр обороны, кандидат в члены Политбюро маршал Дмитрий Язов в статье "О военном балансе сил и ракетно-ядерном паритете":

"Заявления представителей блока НАТО о так называемом превосходстве Варшавского Договора в обычных вооружениях на суше бездоказательны и не выдерживают критики ... Если взять проблему соотношения сил в Европе в целом, то картина такова: НАТО и ОВД имеют примерно равную общую численность личного состава и количество артиллерии ... Что касается танков, то у Варшавского Договора в Европе их больше примерно на 20 тысяч. Но у НАТО больше почти в 1,5 раза боевых вертолетов, в том числе оснащенных противотанковыми средствами, и примерно в 2 раза противотанковых ракетных комплексов ... В целом же по обычным вооружениям налицо примерное равновесие, примерный паритет." (Правда, 8 февраля 1988 г.)

Эту оценку Язова, казалось бы, подтверждали и цифры, сохранившиеся в Заявлении Комитета министров обороны ОВД "О соотношении численности вооруженных сил и вооружений Организации Варшавского Договора", опубликованном 30 января 1989 г. (см. таблицу 1).

Опубликование этих данных было неуклюжей попыткой если уж не сорвать переговоры в Вене, то хотя бы замести следы грубых подтасовок советских генералов при подсчете соотношения сил обоих блоков. Ибо НАТО признала у себя в наличии всего 22 224 танков (16 424 в войсках и 5 800 в запасах), 17 328 артсистем (14 458 в войсках и 2 870 в запасах), 4 507 боевых самолетов (3 977 и 530) и 2 599 боевых вертолетов.

Таблица 1

**Данные о соотношении В и ВТ из заявления
Комитета министров обороны ОВД от 30.01.1989**

	ОВД	НАТО
Танки	59 470	30 690
Бронемшины	70 330	46 900
Артсистемы	71 560	57 060
Боевые самолеты	7 876	7 130
Боевые вертолеты	2 785	5 270

**Количество артиллерийских систем
калибра 100 мм и выше в войсках ОВД и НАТО в 1988 г.
(по данным НАТО, в единицах)**

НАТО		ОВД	
Бельгия	248	Болгария	2 000
Великобритания	394	Венгрия	800
Греция	1 752	ГДР	1 700
Дания	542	Польша	2 500
Исландия	-	Румыния	1 300
Испания	1 038	СССР	33 000
Италия	2 100	ЧССР	2 100
Канада	35		
Люксембург	-		
Нидерланды	667		
Норвегия	552		
Португалия	260		
США	1 100		
Турция	2 800		
Франция	780		
ФРГ	2 220		
Всего	14 458	Всего	43 400

Что касается вооружений ОВД, то НАТО оценила их в 51 500 танков (с учетом запасов более 57 300), 43 400 артсистем (с запасами >46 270), 93 400 бронемашин, 8 250 боевых самолетов (с запасами >8 780) и 3 700 боевых вертолетов. А это означало, что в случае заключения договора о сокращении наступательных вооружений в соответствии с уже согласованными к этому времени потолками таких вооружений (20 тыс. танков, 30 тыс. бронемашин, 20 тыс. артсистем, 4 700 боевых самолетов и 2 000 боевых вертолетов) ОВД пришлось бы сократить 37 300 танков, 63 400 бронемашин, 23 400 артсистем, 3 950 боевых самолетов и 1 700 боевых вертолетов. Всего почти 130 тысяч единиц вооружения и военной техники (В и ВТ).

Взамен НАТО предстояло сократить лишь около 20 тыс. единиц В и ВТ (2 224 танка, 17 639 бронемашин и 593 вертолета), то есть в 6,5 раз меньше. При этом по танкам сокращение было бы в 18 раз, а по вертолетам в 3 раза меньше, чем у ОВД. Что касается артиллерии и боевых самолетов, то по этим вооружениям НАТО даже не добирало до согласованных предельных уровней и получало бы право существенно увеличить их число.

Получалось, что по всем категориям В и ВТ между НАТО и ОВД существовал вовсе не паритет, а огромное преимущество в пользу Варшавского Договора. Между тем вслед за советскими военачальниками Горбачев уже объявил на весь мир, что взамен на "некоторое сокращение" в танках со стороны ОВД НАТО в свою очередь проведет крупные сокращения своих боевых самолетов и вертолетов. Нужно было что-то срочно предпринять, чтобы спасти от конфуза и Горбачева, и собственную честь мундира.

Именно поэтому и были опубликованы от имени Комитета министров ОВД вышеприведенные цифры вооружений НАТО и Варшавского Договора, ибо с точки зрения предмета переговоров в Вене они носили откровенно бессмысленный и даже издевательский характер.

Возьмем, к примеру, артиллерию. Исходным пунктом Венских переговоров было взаимное согласие сторон, что сокращаться должны наступательные вооружения. Естественно, что в области артиллерии такими системами оружия была тяжелая и средняя артиллерия, к которой относятся системы калибром от 100 мм и выше, способные расчищать своим огнем путь для наступающих танков. Соответственно, НАТО представила данные о всех имеющихся у нее подобных системах, вплоть до последнего ствола, а также дала собственные оценки наличия подобного вооружения у стран ОВД (таблица 2).

Кроме того, как отмечалось выше, НАТО объявила о наличии у себя в запасах (то есть на складах хранения) еще 2 870 арт-

систем. У ОВД, по оценке НАТО, с учетом запасов, насчитывалось свыше 46 270 единиц такого оружия.

Вместо того, чтобы представить собственные данные в подобной же разбивке, советские генералы выдали данные по наличию у ОВД и НАТО ствольной артиллерии и реактивных систем залпового огня (РСЗО), начиная с 75 мм, и минометов, начиная с 50 мм, то есть данные, о которых их никто не просил.

Что касается артсистем калибра 100 мм и выше, то ОВД данных по ним так до завершения переговоров и не опубликовала. И по вполне понятной причине: ведь в этом случае стало бы очевидно, что заявление маршала Язова от 8 февраля 1988 г. "о примерном равенстве" ОВД и НАТО по артиллерии не соответствовало, мягко говоря, действительности. Сваливание же в одну кучу таких несопоставимых по боевой мощи видов вооружения, как 40-тонные самоходные гаубицы калибра 155 мм или 203 мм со сравнительно безобидными 50 мм минометами (английский 51 мм миномет весит менее 5 кг и умещается в солдатском ранце) позволяло хоть как-то замаскировать огромное превосходство ОВД в тяжелой наступательной артиллерии. Ясно, что такая подмена предназначалась для сугубо внутреннего потребления, то есть для никогда не служившего в армии Горбачева и неосведомленных в военном деле чиновников МИДа, а также для наивной и не очень-то интересующейся Венскими переговорами советской общественности.

Что касается экспертов НАТО, то они, естественно, понимали, зачем все это делается, но так как речь шла о вооружениях, не являвшихся с их точки зрения предметом переговоров, то они и не особенно рвались их опровергать к явному удовлетворению своих советских партнеров.

Труднее было "отмазать" маршала Язова от его заявления о том, что ОВД превосходит НАТО "всего" на 20 тысяч танков. Пришлось, скрепя сердце, признать от имени Комитета министров ОВД, что эта разница составляет не 20, а почти 30 тысяч танков (30 690 танков у НАТО и 59 470 у ОВД). Однако и тут получился конфуз. При опубликовании данных ОВД было заявлено, что все приводимые данные получены на основе имеющейся у ОВД разведывательной информации. Однако разведчики соцлагеря (читай: ГРУ Генштаба СССР) явно перемудрили, или, что более вероятно, просто поленились почитать соответ-

ствующие справочники НАТО. Во всяком случае, вместо того, чтобы воспользоваться имеющейся в изобилии вполне достоверной и открытой информацией (НАТО количество своих танков никогда не засекречивала), они решили дать собственные оценки танковой мощи североатлантического блока. И изрядно промахнулись. Ибо НАТО имела на вооружении вовсе не 30 690 танков, а почти на 15 тысяч меньше (см. таблицу 3). Кроме того, у НАТО имелось 5 800 танков в запасах (на консервации).

Естественно, что Запад не только решительно отказался признать цифру в 30 690 танков, но и позволил себе немало язвительных насмешек по ее поводу, подвергая сомнению профессионализм советской разведки.

Так, Лондонский международный институт стратегических исследований следующим образом прокомментировал эту цифру:

"Что касается числа танков, которым оперирует ОВД, то сюда, по-видимому, включены музейные экспонаты, танки, используемые на полигонах в качестве мишеней, и танки, уже сданные на металлолом. Сюда же, очевидно, входит и такая изрядная доза воображения (например, Португалии приписываются 470 танков), которая дает основания полагать, что Запад явно переоценивает способности КГБ и ГРУ".

Тем не менее, руководитель советской делегации на Венских переговорах посол Олег Гриневский чуть ли не до самого завершения переговоров требовал от НАТО сокращения числа танков на 10 690 единиц.

Таблица 3

**Количество основных боевых танков
в войсках ОВД и НАТО в 1988 г.
(по данным НАТО, в единицах)**

НАТО		ОВД	
Бельгия	320	Болгария	1 800
Великобритания	717	Венгрия	1 300
Греция	1 420	ГДР	3 000

Дания	228	Польша	3 400
Исландия	-	Румыния	1 200
Испания	866	СССР	37 000
Италия	1 500	ЧССР	3 800
Канада	60		
Люксембург	-		
Нидерланды	750		
Норвегия	117		
Португалия	66		
США	1 800		
Турция	3 000		
Франция	1 750		
ФРГ	4 330		
Всего	16 424	Всего	51 500

Завышение числа имеющихся у Португалии танков в 6 раз было еще сравнительно безобидной ошибкой ГРУ ГШ, отвечавшего за подготовку данных по НАТО. Некоторые из выданных ими от имени ОВД данных были попросту абсурдными. Так, из них следовало, что наибольшую огневую мощь, выраженную в количестве артиллерийских систем на одного военнослужащего, имели Дания, Норвегия и почему-то опять Португалия, наиболее отдаленная от границ ОВД. Крошечная Дания (сухопутные войска – 17,3 тыс. человек), по расчетам ГРУ, имела 1 750 артсистем, Норвегия (сухопутные войска – 21,2 тыс. человек) – 2 320 артсистем, Португалия (армия – 43,6 тыс. человек) – 1 870 артсистем. То есть одна артсистема приходилась в Дании на 10 солдат, в Норвегии – на 9 солдат, в Португалии – на 23 солдата. Для сравнения можно указать, что в войсках США одна артсистема приходилась на 59 солдат, а в войсках ФРГ – на 107 солдат. По оценкам ГРУ получалось, что огневая мощь датской и норвежской армии на одного солдата в 6 раз превосходила этот показатель в армии США и более чем в 10 раз – в армии ФРГ.

Можно было бы, конечно, привести много и других примеров, свидетельствующих об очевидной недобросовестности и некомпетентности советских военачальников и отсутствии за ними элементарного контроля со стороны гражданских властей

и всемогущей КПСС в этих, сразу скажем, несложных технических вопросах, очевидных для любого военного аналитика, серьезно занимающегося сопоставлением военных потенциалов различных государств и военных блоков. Они приводятся здесь главным образом для того, чтобы читатель мог сам судить о том, насколько слаб был государственный контроль за внутренней "кухней" армии даже в СССР, государстве тоталитарном, с его, казалось бы, всепроникающим контролем КПСС и КГБ над армией.

На самом деле все эти подтасовки советского Генштаба и Минобороны и всемерное затягивание с их стороны Венских переговоров не повлияли серьезно на решимость президентов Буша и Горбачева добиться заключения ДОВСЕ, что и завершилось подписанием в Париже договора 19 ноября 1990 г.

Девятнадцатого ноября, казалось бы, появилась возможность разобраться, наконец, сколько вооружений имеют и оба блока (ОВД и НАТО), и отдельные их участники, ибо, согласно договору, вся военная техника, превышавшая согласованные на нее лимиты, подлежала уничтожению под жестким международным контролем с инспекциями на местах.

По Парижскому договору Советский Союз получал право сохранить по танкам 13 300 единиц, по артиллерии – 13 700 единиц, по боевым самолетам – 5 150 единиц, по ударным вертолетам – 1 500 единиц. Естественно, что НАТО перед заключением договора захотела узнать, сколько вооружений СССР намерен уничтожить из своих огромных арсеналов. Особенно интересовали натовцев, естественно, те 41 500 танков, которые, по официальным данным советской делегации в Вене, дислоцировались в европейской части СССР на 1 июля 1988 г.

Оказалось, что уничтожить-то особенно и нечего. Накануне подписания ДОВСЕ, в сентябре 1990 г. представители НАТО заявили протест советской делегации в связи с тем, что, по имеющейся у НАТО информации, СССР проводит передачу трех дивизий сухопутных войск со всей их тяжелой техникой, включая 1 000 танков, в состав ВМФ в европейской части Советского Союза. Кроме того, натовцы выразили озабоченность по поводу происходящей массовой переброски подлежащих сокращению советских вооружений за Урал, видя в этом стремление СССР

создать в Азии крупный стратегический резерв, который может быть быстро переброшен обратно.

Что и каким образом произошло с излишками советского вооружения в Европе не ясно до конца и сейчас, ибо заявления даже самих советских участников переговоров и руководства Генштаба и Минобороны резко различались. Так, один из ответственных сотрудников МИД, участвовавший в венских переговорах, заявил в интервью обозревателю "Московских новостей" Дмитрию Якушкину (нынешнему пресс-секретарю президента Ельцина) в январе 1991 г., что это сообщение НАТО было для советской делегации полной неожиданностью, ибо военные и не подумали предупредить своих коллег-дипломатов о происходящей переброске.

Более того, вплоть до заключения ДОВСЕ военные заявляли, что уничтожат свои излишки вооружения. Так, во время официального визита в США в октябре 1990 г. начальника советского Генштаба генерала армии Михаила Моисеева, последний заявил на совместной пресс-конференции с начальником Комитета начальников штабов вооруженных сил США генералом Колином Пауэллом буквально следующее: "Мы не собираемся складировать военную технику. Она будет уничтожаться соответственно имеющимся для этого возможностям". "Я удовлетворен этим заявлением", - ответил на эти уверения Колин Пауэлл.

Последующее поведение дипломатов и военных мало чем отличалось от поведения тех и других после марш-броска российских десантников в Приштину.

Военные категорически утверждали, что они во всех случаях действовали с санкции политического руководства. Вот что заявил, например, по поводу переброски вооружения за Урал и передачи трех дивизий сухопутных войск в состав ВМФ первый заместитель начальника Генштаба генерал-полковник Б. Омеличев в середине февраля 1991 г. по поводу статьи в "Нью-Йорк Таймс" об угрозе срыва договора об ОВСЕ по вине советских военных:

"Я знаком с этим и многими другими, куда еще более хлесткими сообщениями, в которых беззастенчиво извращается наша политика в области ограничения вооружений. Причем зачастую в них содержатся обвинения в адрес Генерального штаба

Вооруженных Сил СССР, который-де отходит от принятия на политическом уровне решений, зафиксированных в международных договорах и соглашениях, ставит палки в колеса проходящих переговоров, всячески тормозит их. К сожалению, домыслы на этот счет можно встретить сегодня не только в западных органах массовой информации, но и на страницах некоторых изданий, выходящих в нашей стране.

...Особенно много шума поднимается вокруг танков. На середину ноября прошлого г. у нас в европейской части страны их было около 21 000. А через три г. после вступления в силу подписанного в Париже договора планируется иметь их здесь 13 150. Следовательно, подлежат сокращению порядка 7 500 единиц – причем 750 из них намечено переоборудовать в технику мирного назначения, а остальные – просто уничтожить.

Кажется ясно. Но перед нами ставят вопрос: в свое время Советский Союз объявил, что на 1 июля 1988 г. он имел в Европе 41 500 танков. Куда же они делись? Никакого секрета здесь нет. За это время по одностороннему сокращению вооруженных сил, при переводе их на оборонительную структуру и выводе войск из стран Восточной Европы из боевого состава в европейской части СССР была выведена почти 21 000 танков, в том числе направлено в азиатскую часть страны на перевооружение и дообеспечение войск 8 000 единиц и размещено на базах хранения в Западной Сибири и Средней Азии около 8 400 единиц, 4 100 танков списаны (разделаны на металлолом, переоборудованы). Все это было сделано еще до подписания Договора об обычных вооруженных силах в Европе, и представители других стран знали об этом. Так, госсекретарь США был проинформирован советским министром иностранных дел в сентябре, а потом в октябре прошлого (1990 г. – *ред.*) года. Иными словами, США и их союзники знали, что переброска танков (и других видов вооружений) за Урал осуществлена вне рамок договора, и мы не связаны здесь никакими договорными обязательствами.

...Нельзя признать обоснованными и претензии по поводу "наращивания советской морской пехоты" в

обход договора. Такого наращивания фактически не было. Правда, СССР принял меры по более надежному прикрытию приморских направлений ввиду значительного превосходства США и НАТО в ударных и мобильных средствах ВМС. Начало осуществления этих мер относится еще к 1987 г. В результате три дивизии Сухопутных войск были переподчинены ВМФ в качестве дивизий береговой обороны (не морской пехоты). Они, как и все военно-морские силы, – отнюдь не по нашей воле – не стали предметом переговоров в Вене и поэтому не могут рассматриваться в рамках Парижского договора".

Представители МИДа в свою очередь утверждали, что действия военных, не нарушая формально букву договора при переброске военной техники за Урал, грубо нарушают дух договора (сравните с первой реакцией министра иностранных дел Игоря Иванова в интервью Си-Эн-Эн после получения известия от американцев – не от Минобороны – о походе десантников в Косово) и поэтому должны быть прекращены. Если переброска все-таки состоится, то следовало бы в таком случае дать Западу гарантии, что переброшенная техника заменит уничтожаемую старую, и предоставить западным наблюдателям возможность в этом убедиться.

Так же, как и сейчас, все апеллировали к президенту как высшему арбитру в споре. Дмитрий Якушкин писал, например, в марте 1991 г.:

"Очевидно, что решение в конце концов должен принять президент страны. По существу выбор сводится к следующему: либо сохранение излишков боевой техники, либо же сохранение доверия к политическому курсу страны со стороны Запада".

Как тогда, так и сейчас спор был решен президентом в пользу военных. Президенты, правда, были разные (тогда – Горбачев, сейчас – Ельцин), однако к победе генералов в том и другом случае приложили руку одни и те же лица. Тогда это были маршал Дмитрий Язов и его начальник Управления делами, через которое шли все документы по ДОВСЕ, генерал Леонид Ивашов (занимал эту должность с июня 1987 г. вплоть до ареста Д. Язова в августе 1991 г.). Сейчас это начальник Глав-

ного управления международного военного сотрудничества Минобороны генерал Леонид Ивашов и его официальный советник (с июня 1998 г.) маршал Дмитрий Язов.

Ход Венских переговоров показал, насколько легко военные могут манипулировать ходом переговоров с использованием узкоспециальных вопросов даже в такой сравнительно простой области, как обычные вооружения, притом всего нескольких типов. Ясно, насколько усложняется задача контроля действий военных специалистов при несравнимо более сложных переговорах по ограничению стратегических вооружений, ПРО и т.д., требующих учета огромного количества технических деталей. Военные прекрасно понимают, что последнее слово в этих вопросах всегда останется за ними. Говоря о ходе переговоров по СНВ, генерал-полковник Б. Омеличев так описывал сложившуюся в начале 1991 г. ситуацию на этих переговорах: "Однако и на сегодня остаются нерешенные вопросы. Мы называем их техническими, потому что здесь не требуется специальных политических решений (подчеркнуто нами – ред.). Но сами по себе они важны и сложны. Я имею в виду, например, необходимость записать в договор определения, что такое "новый тип" баллистических ракет. По элементам этого определения договоренность еще не достигнута. Нет также окончательной договоренности и о том, какие объекты по производству мобильных МБР должны находиться под постоянным наблюдением и как обеспечить доступ к телеметрической информации с борта баллистических ракет – существующих и новых типов".

Было бы ошибкой думать, что только советские или российские военные ревниво охраняют свою монополию на "технические вопросы".

Вот что писал еженедельник "Ньюсуик" в 1989 г.:

"Кто разрабатывает американскую стратегию и кто принимает решения по вопросам бюджета, уровням вооруженных сил, выбору систем оружия и другим дорогостоящим параферналиям современной военной машины? Ответ – все и никто. Президент предполагает, Конгресс располагает, иногда удачно, а иногда и скверно. Внешне дело выглядит так, будто министр обороны со своим гражданским аппаратом эффективно контролирует деятельность видов вооруженных сил во главе с Комитетом на-

чальников штабов (КНШ). Но именно военные менеджеры в форме принимают или не принимают самые важные решения по вопросам создания систем оружия, таких как разработка необходимых тактико-технических характеристик танков, ракет и ракет. И вооруженные силы сами, через систему закупок, устанавливают все параметры своих действий на случай войны.

И далее авторы статьи в "Ньюсуике" подкрепляют свои рассуждения о том, каковы реальные возможности осуществления гражданского контроля над вооруженными силами, примером из практики администрации президента Рейгана. Министр обороны Уайнбергер приказал как-то руководству КНШ ознакомить одного из своих штатских помощников с планами ведения войны в Западной Европе. Военные, естественно, подчинились и организовали для него брифинг, во время которого представители КНШ отбарабанили с огромной скоростью на своем жаргоне что-то на заданную тему, запретив помощнику Уайнбергера, сославшись на секретность, делать какие-либо записи во время своих докладов.

V

В США и других развитых странах давно поняли, что наиболее надежной формой контроля над военными является не субъективный, а объективный гражданский контроль, то есть контроль, опирающийся не на мелочную проверку действий военнослужащих, а на их военный профессионализм. А вот как раз с этим в советской и нынешней российской армии дела обстоят неважно. И это прежде всего касается понимания самой сути этого сложного явления.

В последние годы, начиная с перестройки, в СССР и России стало модным для углубления аргументации в любой, в том числе военной области, ссылаться на зарубежный опыт.

Много ссылок на иностранный опыт можно встретить и в ходе ведущейся вот уже почти десятилетие дискуссии о путях реформирования сначала советской, а затем и российской армии.

Однако даже не очень глубокое знакомство с практикой зарубежного военного строительства сразу же показывает, что никто у нас (включая и военную разведку) серьезно военный

опыт других стран не изучал и не изучает, а частые ссылки на этот опыт в спорах о путях военной реформы в России рассчитаны главным образом на невежество оппонентов.

Попробуем проиллюстрировать этот тезис на примере шумного лозунга "Даешь профессиональную армию!", нашедшего наконец свое воплощение в указе Президента России № 722 от 16 мая 1996 г. "О переходе к комплектованию должностей рядового и сержантского состава Вооруженных Сил и других войск Российской Федерации на профессиональной основе".

Если отбросить словесную шелуху, то из этого лозунга и указа № 722 нетрудно понять, что в сущности под созданием профессиональной армии имеется в виду всего лишь переход к стопроцентному комплектованию армии путем вербовки (контракта).

Никто, конечно, не может запретить нам называть простой контрактный способ комплектования "профессионализацией" армии. В конце концов мы вправе давать своим русским словам те значения, которые нас устраивают.

А вот называть американскую армию профессиональной, как это делают сплошь и рядом российские политики, журналисты и военные, – по крайней мере некорректно. Ибо это означает навязывание своих доморощенных представлений английскому языку и другой, весьма сложной, а во многом и уникальной военной культуре США.

Дело в том, что американцы не только не называют и никогда не называли свою армию профессиональной, но и не считают ее таковой. Для этого достаточно ознакомиться с официальными документами правительства США и Пентагона. Ни в одном из них вы не встретите термина "*профессиональная армия*" применительно к американским вооруженным силам. Впрочем, применительно к армиям других государств тоже. Нет термина "*профессиональная армия*" или "*профессиональные вооруженные силы*" и в официальных словарях-гlossариях, издаваемых американским министерством обороны и Комитетом начальников штабов. Так же как нет его в "Международной военной и оборонной энциклопедии", выпущенной в Вашингтоне в 1993 г. издательством "Брэсси'с" под редакцией полковника в отставке армии США Тренора Н. Дюпуи.

Что касается отказа США от воинской повинности с 1 июля 1973 г., то он назывался отнюдь не переходом к комплектованию армии США "на профессиональной основе" (как в указе президента России № 722), а переходом к комплектованию вооруженных сил на полностью добровольной основе. Кстати, с 1 июля 1973 г. американская армия официально именуется "*Все-добровольческими вооруженными силами*" (*All-Volunteer Armed Force*, сокращенно *AVF*).

Американские военные, включая аналитиков Пентагона и военных ученых, искренне изумляются, когда узнают, что в России американскую армию называют профессиональной. И уж только полное недоумение у них могут вызвать такие, например, высказывания президента Б. Ельцина, сделанные им 28 мая 1996 г. во время посещения 205 мотострелковой бригады в Чечне:

"Пришло время профессиональной армии... Лучше иметь всего несколько десятков дивизий, но которые полностью укомплектованы профессионалами (подчеркнуто нами – *ред.*), привыкшими к военной службе и знающими ее".

Недоумение американцев можно понять, если ознакомиться с принятыми в США взглядами на профессионализм вообще и военный профессионализм в особенности.

Причина в том, что слова "*профессионал*", "*профессиональный*" имеют в английском языке иное значение, чем в русском, гораздо более конкретное и в чем-то даже уникальное. Это у нас их употребляют направо и налево ("*профессиональный политик*", "*профессиональный наемник*", и т.д.), и всякий, считающий себя специалистом в своем деле, называет себя профессионалом.

В русском языке профессия – это прежде всего род трудовой деятельности, требующий определенной подготовки и являющийся основным источником существования. У нас даже в словарях указывается, что слово "*профессия*" происходит от латинского "*professio*", которое переводится как "объявляю своим делом" (Советский энциклопедический словарь, 1982 г.).

Американцы тоже изредка употребляют слово "*профессиональный*" в отношении рода занятий, но только как противопос-

тавление любительству, в основном в спорте ("*профессиональный футбол*").

Основное же его значение другое, в русском языке не употребляемое, и латинское "*professio*" американские словари толкуют совершенно иначе, а именно как "*публичное торжественное заявление*", "*обет*".

Американец, например, никогда не скажет, что он "*профессиональный политик*" или "*профессиональный журналист*". И дело здесь не в нелюбви к слову "*профессиональный*". Наоборот, огромное уважение к профессионализму привело к тому, что называть себя "*профессионалом*" имеют право лишь избранные, отвечающие жестким объективным критериям.

И если американец в ответ на вопрос, чем он занимается (спросить американца, какова его профессия при буквальном переводе слова на английский означает натолкнуться на полное непонимание), вдруг заявит, что он – профессионал, то это означает почти наверняка, что перед вами или священник, или врач, или юрист.

Точно так же, услышав или прочитав на английском языке слова "*профессиональный солдат*", "*профессиональный военный*" (а эти слова, в отличие от выражения "*профессиональная армия*", в США употребляются очень часто) не следует делать вывод, что имеются в виду военнослужащие-добровольцы (контрактники). Ибо речь в данном случае может идти только об офицерах (реже сержантах), и то далеко не всех.

Объясняется это тем, что в США понятие "*профессия*", "*профессионализм*" жестко фиксированы.

Непременными атрибутами этих понятий являются компетентность, (наличие специальных знаний и образования), чувство ответственности и призвания, корпоративность (принадлежность к той или иной корпоративно-бюрократической структуре) и самоуправление. В свою очередь, эти атрибуты вполне конкретны по содержанию.

Компетентность. По американским взглядам, профессионал – это эксперт, обладающий специальными знаниями и мастерством в общественно значимой сфере человеческой деятель-

ности. Его компетентность приобретается только путем продолжительной учебы и опыта.

Обычные умение и мастерство существуют лишь в настоящем и усваиваются в процессе изучения и освоения существующих технологий и навыков без соотнесения с тем, как это делалось прежде. В противоположность этому профессиональные знания по своей природе интеллектуальны, у них есть своя история, а знание этой истории существенно важно для профессиональной компетентности. Необходимым условием продолжения и передачи профессиональных знаний являются также образовательные и исследовательские учреждения. Контакты между академической и практической сторонами профессии поддерживаются посредством журнальных публикаций, проведения научных конференций, обмена кадрами и т.д.

Эталоном профессионализма служат так называемые "ученые профессии" ("*learned professions*"). Вот как определяет их толковый словарь Уэбстера:

"Ученые профессии – это одна из трех профессий – теология, юриспруденция и медицина – традиционно ассоциирующихся с интенсивной учебой и эрудицией; в широком смысле – всякая профессия, для приобретения которой считается необходимым академическое образование".

Профессиональная компетентность является частью общей культурной традиции общества. Профессионал может успешно применять свои знания лишь осознавая себя частью этой более широкой традиции. Соответственно, профессиональное образование состоит из двух ступеней: первой, включающей широкую либеральную (общекультурную) подготовку, и второй, предоставляющей специальные знания по профессии. Либеральное образование профессионала обычно приобретает в общеобразовательных учреждениях. Вторая, техническая фаза профессионального образования, предполагает уже наличие специализированных учебных заведений.

Чтобы уяснить всю бездну между советским (постсоветским) и американским понятием профессионального образования, достаточно вспомнить, какие знания дают наши профессионально-технические училища.

Вторая неотъемлемая черта профессионализма – **чувство ответственности и призвания**.

Профессионал – это специалист-практик, предоставляющий обществу услуги, такие как здравоохранение, образование, правовая или военная защита, которые существенно важны для функционирования общества. Особенностью всякой профессии является то, что ее клиентом выступает именно общество, как в целом, так и в лице отдельных своих индивидов. По американским взглядам, химик-исследователь, например, не является профессионалом, поскольку его деятельность хотя и полезна для общества, не является жизненно важной для его непосредственного существования и функционирования. В то же время существенно важный для общества характер услуг профессионала и его монополия на них налагают на профессионала обязанность предоставлять свои услуги по требованию общества. Эта ответственность перед обществом отличает профессионала от других специалистов, чей род занятий связан только с интеллектуальным мастерством. Химик-исследователь, к примеру, по прежнему остается химиком-исследователем, даже если он решит применить свои знания в антиобщественных целях.

Именно обязанность служить обществу и преданность своему призванию составляют главную мотивацию профессионала. Следовательно, материальная компенсация профессиональной деятельности лишь отчасти диктуется договорными отношениями на открытом рынке труда и в решающей степени регулируется законом, а также профессиональными правилами и обычаями.

Оказание важных услуг, не диктуемых рыночными отношениями, требует выработки определенных профессиональных кодексов поведения, регулирующего отношения между профессионалами и остальной частью общества. Такие кодексы необходимы прежде всего для предотвращения конфликтов между профессионалами и обществом, а также и между самими профессионалами. Кодексы поведения могут иметь как форму набора неписаных норм, передаваемых через систему профессионального образования, так и форму письменных канонов профессиональной этики.

Третья необходимая черта профессионализма – **корпоративность и самоуправление**.

Отличительной чертой профессионализма является, наконец, и то, что между членами одной профессии существует так называемое "чувство органичного единения", попросту чувство коллективизма. Это коллективное чувство является результатом длительных совместных тренировок и сотрудничества, а также осознания своей уникальной социальной ответственности. Чувство принадлежности к одной профессии находит свое оформление в виде профессиональных организаций, которые устанавливают систему правил и предписаний для своих членов, а также определяют критерии эффективности их деятельности.

Профессиональные организации существуют либо в виде ассоциаций, либо в виде бюрократических структур. В профессиональных ассоциациях, таких как медицинская или юридическая, практикующий врач или юрист обычно работают самостоятельно и имеют прямые личные отношения со своим клиентом. Бюрократические структуры, такие как дипломатическая или военная служба, предоставляют свои профессиональные услуги обществу как единому целому.

Члены профессии, находящиеся на вершине профессиональной лестницы, определяют требования к приему новых членов профессии и их продвижению по профессиональной лестнице. Принадлежность к профессиональной структуре предполагает приверженность ее членов жестким профессиональным стандартам. Тем самым профессия выступает и в роли дисциплинарного органа в отношении своих членов.

Важность формальной принадлежности к профессиональным организациям диктуется высоким статусом членства в них. В США бизнесмен может быть намного богаче врача или офицера, политик может иметь гораздо больше власти, а скульпторы, артисты, представители средств массовой информации пользоваться несравненно большей известностью. Однако профессионал превосходит их всех в одном – в уважении, которым он пользуется со стороны общества.

По американским взглядам, военная профессия обладает всеми теми же тремя вышеназванными "родовыми" чертами всякой профессии – компетентностью, чувством ответственности, корпоративностью. Однако каждая из них в силу специфики военной службы имеет свои особенности.

Компетентность предполагает обладание специальными знаниями и мастерством в такой общественно значимой сфере деятельности, как военное дело. Это – основа объективных критериев оценки профессиональных способностей военного человека, позволяющих освободить военную профессию от непрофессионалов, а также определить относительные способности представителей данной профессии.

Вторая неотъемлемая черта военного профессионализма – *чувство ответственности и призвания* – заключается в том, что профессионал предоставляет обществу военную защиту, т.е. услугу, жизненно важную для функционирования всего общества. При этом финансовая мотивация не может быть главной целью военной профессиональной деятельности, что требует выработки определенного профессионального кодекса поведения, регулирующего отношения между военными профессионалами и остальной частью общества.

Третья необходимая черта военного профессионализма – *корпоративность и самоуправление*. Члены военной профессии отчетливо осознают себя в качестве группы, отличной от непрофессионалов и членов других профессий. Принадлежность к военной профессии предполагает приверженность ее членов жестким профессиональным стандартам. Тем самым военная профессия выступает и в роли главного дисциплинарного органа в отношении своих членов.

Военный специалист-профессионал – это офицер или генерал, в наибольшей степени подготовленный для управления применением насилия в определенных условиях. В рамках самого военного профессионализма есть специалисты по управлению насилием на море, на суше, в воздухе и космосе, так же как в медицине есть специалисты по лечению сердечных, желудочных или глазных болезней. Чем более крупными и сложными организациями для осуществления насилия способен управлять офицер, чем шире диапазон ситуаций и условий, в которых он может быть использован, тем выше его профессиональное мастерство.

Военная профессия – это необыкновенно сложное интеллектуальное занятие, требующее длительного всестороннего глубокого обучения и постоянных тренировок. В современной армии лишь тот, кто все свое рабочее время посвящает призванию,

может надеяться на достижение высокого уровня профессионального мастерства. Исключительно сложный характер военной компетентности виден хотя бы из того, что в среднем военный профессионал посвящает не менее трети своей профессиональной жизни организованной учебе – вероятно, самое высокое соотношение между временем на обучение и на практику по сравнению с любой иной профессией.

Сторонники создания российской профессиональной армии, ссылающиеся в качестве примера на "профессиональную" армию США, полностью игнорируют тот факт, что по американским взглядам, отнюдь не всякий американец, служащий в армии по контракту, имеет право считать себя или называться профессионалом.

Так, по мнению наиболее последовательного апологета военного профессионализма Сэмюэла Хантингтона, профессионалом может считаться только офицер, и то далеко не каждый, а лишь тот, кто, по словам Хантингтона, является экспертом по "управлению насилием". Именно такая черта, по его мнению, отделяет военного профессионала от офицеров других специальностей (инженеров, техников, тыловиков и т.д.). Их мастерство, по Хантингтону, необходимо для достижения задач, поставленных перед вооруженными силами, однако их специальности являются вспомогательным видом занятий, относящимся к компетентности офицера-профессионала так же, как мастерство медсестры, аптекаря, лаборанта или рентгенолога относится к компетентности врача. Все эти офицеры, которые не являются специалистами по управлению насилием, принадлежат к офицерскому корпусу лишь в его качестве административной организации, но отнюдь не как профессиональной общности.

Хантингтон категорически отрицает профессионализм рядового состава. Вот как он объясняет эту точку зрения в своем ставшем классическим труде "Солдат и государство", впервые вышедшем в 1957 г. и с тех пор неоднократно переиздававшемся.

"Солдаты и сержанты, подчиняющиеся офицерскому корпусу, являются частью организационной, но не профессиональной бюрократии. Они не обладают ни интеллектуальными знаниями, ни чувством профессиональной ответственности офицера. Они

– специалисты по применению насилия, не по управлению им. Их род занятий представляет собой ремесло, а не профессию. Это фундаментальное различие между офицерами и рядовым и сержантским составом находит свое выражение в четкой разделительной линии, которая существует между теми и другими во всех армиях мира. Если бы этой разделительной черты не было, то тогда стало бы возможным существование единой военной иерархии от рядового до офицера самого высокого ранга. ...Однако имеющиеся различия между офицером и рядовым исключают переход из одного уровня на другой. Отдельным представителям рядового и сержантского состава иногда все же удается дослужиться до офицерского звания, однако это скорее исключение, чем правило. Образование и подготовка, требующиеся для того, чтобы стать офицером, в нормальных условиях несовместимы с длительной службой в качестве рядового или сержанта".

Правда, отдельные военные исследователи признают наличие элементов профессионализма у так называемых "карьерных" сержантов (то есть сержантов, получивших многолетнюю подготовку и служащих на сержантских должностях вплоть до выхода на пенсию) и даже иногда употребляют термин "профессиональный сержант". Однако полноценными профессионалами сержанты не считаются.

Так, другой известный американский специалист по военному профессионализму Сэм Саркесян пишет:

"Понятия военная профессия и военный профессионал относятся прежде всего к офицерскому корпусу. Профессиональные сержанты и уоррент-офицеры играют важную роль, но форма и содержание профессионального этоса, а также отношения между военными и обществом определяются главным образом офицерским корпусом".

Профессионализм рядового состава, независимо от того, комплектуется он на призывной или контрактной основе, отрицают не только американские, но и многие европейские военные эксперты. Так, английский исследователь Гвен Хэррис-Дженкинс в той же энциклопедии пишет:

"Концепция военной профессии традиционно ассоциируется с офицерами, а не рядовым составом. Причина этого понятна. Тот специфический набор ценностей и норм поведения, который образует профессиональный этос, является преобладающим среди офицеров, редко встречается среди сержантского состава и, как принято считать, не существует среди рядовых военнослужащих".

Не относят американцы к профессиональным солдатам и офицеров-резервистов. По мнению такого жесткого блюстителя чистоты военного профессионализма как Хантингтон, резервист только временно принимает на себя профессиональную ответственность. Его основные функции и знания находятся вне армии. В результате этого мотивация резервиста, его поведение и система ценностей чаще всего заметно отличаются от стандартов офицера-профессионала.

Еще одна причина, почему американцы не называют, да и не могут называть и считать свою армию профессиональной, заключается в том, что значительная часть вооруженных сил США носит милиционный характер. Речь идет о национальной гвардии, являющейся неотъемлемым компонентом американских сухопутных войск и ВВС.

Вторая поправка к Конституции США гласит: "Так как для безопасности свободного государства необходима хорошо устроенная милиция, то право народа хранить и носить оружие не будет ограничиваться". Национальная гвардия по сути и является, несмотря на свое суперсовременное вооружение, тем народным ополчением (милицией), необходимость существования которого отцы-основатели Соединенных Штатов считали гарантией сохранения американской демократии. Именно поэтому национальная гвардия комплектуется по территориальному принципу и находится в двойном подчинении – правительства и местных органов власти (штатов).

Полагаем, этих примеров достаточно для того, чтобы понять, почему американцы так недоумевают, когда узнают, что в России их армию называют профессиональной.

* * *

Из вышесказанного, надеемся, ясно, что господствующее в России представление об американской армии как профессиональной не имеет ничего общего с собственно американскими взглядами на этот счет. Для американцев сам термин "*профессиональная армия*" носит в значительной мере негативный характер. Как пишет Хантингтон, "выражения «*профессиональная армия*», «*профессиональный солдат*» затемняли различие между карьерным рядовым или сержантом, кто профессионален в том смысле, что он служит за деньги, и карьерным офицером, который является профессионалом в совершенно ином смысле – тот, кто посвятил себя «*высшему призванию*» на службе обществу.

В тех же случаях, когда американские исследователи используют термин "*профессиональная армия*", они имеют в виду главным образом наемные армии, существовавшие до XIX века, который они считают веком зарождения и победы военного профессионализма в армиях ведущих государств мира.

Значит ли это, что американцы отрицают возможность существования профессиональных армий, в том числе и американской, в будущем? Нет, не значит. Американцы вполне допускают такую возможность, но не как возврат к наемным армиям прошлого, а как следующую ступень развития военного профессионализма. Так, известный военный теоретик и бывший командующий сухопутными войсками США генерал Карл Вуоно предвидит создание профессиональной армии как высший уровень трехступенчатого развития современных армий. Первая ступень – это призывная армия, вторая ступень – добровольческая армия (то есть нынешняя армия США). Третьей ступенью должна стать профессиональная армия.

Насколько можно судить, сколько-нибудь конкретный облик такой профессиональной армии будущего в США еще не сформировался. Это понятно, учитывая, с какими огромными трудностями сопряжено создание такой армии, исходя из существующих американских взглядов на военный профессионализм. Формирование такой армии, по-видимому, потребовало бы и радикальных изменений в Конституции США (отказ от национальной гвардии), и изменения всей системы комплектования и военного образования (доведение уровня знаний и подготовки ря-

дового и сержантского состава до уровня профессионального офицера, привитие рядовым и сержантам профессиональной этики и т.д.). Ясно, что практически такие задачи сейчас американское общество перед собой ставить не может и даже само их широкое обсуждение политически взрывоопасно.

Таким образом, приходится признать, что миф о современной американской "*профессиональной армии*" имеет местное, советское происхождение. Он возник в конце 80-х - начале 90-х годов и был привнесен в общество политиками и публицистами так называемой "демократической волны" (вспомним очерки в "Огоньке" Артема Боровика об американской армии) и подхвачен молодыми офицерами-депутатами Верховного Совета СССР, выдвинувшими идею создания советской профессиональной армии (т.н. "проект Лопатина").

Надо сказать, что сама армия была застигнута врасплох подобными лозунгами и проектами (как, впрочем, и последующими событиями, включая развал СССР). Ведь у нее не было ни малейшего представления о том, что такое профессиональная армия. Об уровне ее знаний в этом вопросе можно судить хотя бы по настольной книге советского офицера 70-х – 80-х годов – восьмитомной "Советской военной энциклопедии", в которой желающего узнать, что такое "*профессиональная армия*" отсылали к статье "Теория малых армий". В ней говорится, что это

"теория, в основе которой лежала идея достижения победы в войне с помощью немногочисленных технически высокооснащенных профессиональных

армий. Возникла в западных капиталистических странах после I мировой войны 1914-1918 гг. Сторонники малых профессиональных армий выполняли социальный заказ империалистов, боявшихся массовых вооруженных сил, укомплектованных рабочими и крестьянами, переоценивали роль оружия и военной техники в войне. ...Теория «малых армий», как не имевшая под собой реальной почвы, не была принята в качестве официальной ни в одной стране, т.к. объективные закономерности развития военного дела требовали создания массовых армий".

Таким образом, важнейшая задача военной реформы – повышение военного профессионализма армии в его современном, западном понимании была подменена сравнительно второстепенной и весьма спорной в российских условиях идеей сплошного перевода армии на контрактную систему комплектования.

Ясно, что при таком уровне знаний о профессиональных армиях советская армия оказалась совершенно не готовой к ведению осмысленной дискуссии о военном профессионализме. Недалеко ушла от нее в этом отношении и ее наследница – российская армия. Остается надеяться, что хотя бы события в Косово повернут ее лицом к этой проблеме.

